

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1918—1919 ГОДАХ

М. Миско

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла собой эпоху величайших народных движений, конечной целью которых является полное освобождение трудящихся масс от всякого гнёта и эксплуатации и построение нового, бесклассового, социалистического общества. Она оказала огромное влияние на революционное движение в других странах, побуждая рабочие массы капиталистических стран следовать примеру русских рабочих и свергать иго капиталистов и помещиков. Целый ряд революций и революционных выступлений, возникших к концу мировой войны и в ближайшие за ней годы, ярко свидетельствовали о влиянии Октябрьской революции.

Одним из ярких проявлений этого влияния было развитие революционного движения в Польше в 1918—1919 годах. В настоящей статье мы ставим себе задачей рассмотреть лишь один вопрос этого движения — историю советов рабочих депутатов.

Свыше ста лет польский народ не имел независимости. Польша была разделена между Германией, Австрией и царской Россией. Первая мировая война вновь подняла польский вопрос. Однако до самой Октябрьской революции в России польский народ не мог рассчитывать на получение полной независимости. Государства, разделявшие Польшу, проводили политику сохранения своего господства над Польшей, а не политику её освобождения. Союзные с Россией государства, прежде всего Англия и Франция, рассматривали польский вопрос как внутреннее дело России, т. е. проводили политику сохранения русского господства над Польшей. Победа Великой Октябрьской социалистической революции радикально изменила обстановку для решения польского вопроса. Советская власть сразу же торжественно признала «равенство и суверенность» народов России и «право всех народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»¹. В августе 1918 г., когда Польша была ещё во власти германских оккупантов, советское правительство отменило все договоры и акты бывшей Российской империи, касавшиеся разделов Польши, и ещё раз признало за польским народом «неотъемлемое право на самостоятельность и единство»². Так была создана первая и решающая предпосылка восстановления Польши. В ноябре 1918 г. Германия была разгромлена. В деле её разгрома сказалось громадное революционное влияние Октябрьской революции, подорвавшее стойкость немецких солдат и способствовавшее в конечном счёте взрыву революции в Германии. Действия советских отрядов и широкое партизанское движение на оккупированной немцами Украине и Белоруссии также явились одной из главных причин поражения Германии. Разгром Германии и крах германской оккупации Польши явились второй предпосылкой восстановления польской независимости.

В момент своего восстановления польские земли находились в весьма тяжёлом положении. Польша была относительно отсталой в промыш-

¹ «Декларация прав народов России».

² «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», № 64, статья 698. 1918.

ленном отношении страной. Только в западной части бывшего Царства Польского (Варшавский, Лодзинский и Домбровский районы) да в Верхней Силезии (за которую предстояла ещё упорная борьба) промышленность достигла высокого уровня. На всей остальной территории Польши господствовало сельское хозяйство. Но если в Познани и на Поморье сельское хозяйство достигло уже высокой ступени развития, то в бывшем Царстве Польском и особенно в Западной Галиции оно находилось на весьма низком уровне. Крестьянство страдало от малоземелья и безземелья и жило в нищете. Господствующую роль в жизни страны играли реакционные классы — помещики и буржуазия; в Западной же Галиции, Познани и Поморье господство помещиков было безраздельным.

Необычайно тяжело отразились на Польше война и оккупация. Быть может, ни одна страна в Европе не была в столь тяжком положении, как оккупированная, поработанная и ограбленная немцами Польша. Немцы вывозили из Польши всё, что только могли: машины, хлеб, сырьё, скот³. По некоторым данным, было вывезено около 6 тыс. вагонов промышленного оборудования, 380 тыс. вагонов скота и лошадей; всего же скота, машин, сырья и различных товаров было вывезено около одного миллиона вагонов, не считая хлеба, леса и угля. Польская промышленность почти совсем замерла. Действовали лишь угольные копи, железные дороги, коммунальные предприятия и необходимые немцам военные предприятия. Вывоз продовольствия породил голод. Весной 1917 г. польские рабочие получали в день 131 грамм хлеба и 205 граммов картофеля⁴. Голодная смерть была обычным явлением.

Далеко не блестящим было и международное положение Польши. Дружественное отношение к возрождавшемуся государству питала только одна страна — Советская Россия. Германия ненавидела молодое государство.

Державы Антанты, вынужденные признать необходимость восстановления Польши, почти до самого конца войны надеялись сохранить Австро-Венгрию в целостности, оторвав её от Германии. Ещё в 1918 г. правительство Соединённых Штатов Америки не хотело определённо рассматривать захваченные немцами польские земли как подлежащие безусловному включению в состав Польши. Это значит, что Польша, признанная великими державами 3 июня 1918 г., могла ещё оказаться без Кракова, Познани, Силезии, Поморья и Гданска. Только на Версальской мирной конференции Франция и Соединённые Штаты изменили своё отношение к Польше. Однако и там эти державы не смогли устоять перед упорством Ллойд-Джорджа, защищавшего интересы Германии, и уступили ему даже по таким важнейшим для Польши вопросам, как о Гданске и Верхней Силезии.

Перед Польшей стояла одна кардинальная, узловая задача — задача глубочайшей демократизации страны. Без решения этой задачи Польша не могла ни развиваться по пути прогресса, ни создать действительные гарантии своей независимости. Реакционные классы — буржуазия и помещики — неспособны были направить Польшу на путь наибольшего развития внутренних производительных сил, что превратило бы страну в сильный экономически и политически организм, а это, в свою очередь, было одной из основных предпосылок обеспечения национальной безопасности. Ни коренная аграрная реформа, ни национализация крупной и средней промышленности, ни установление подлинно демократического строя не могли быть осуществлены руками буржуазии и помещиков, это могли сделать только рабочие и крестьяне. Соседство с великим

³ Е. К. «Przewrót w Polsce», część I. «Rządy ludowe», str. 41. Kraków—Warszawa. 1919.

⁴ Крушевский С. и Здзярский М. «Быт рабочих в Польше в 1913—1921 гг.», стр. 49. М. 1923 (перевод с польского).

советским государством облегчало решение этой узловой задачи. Реакционные классы неспособны были также направить Польшу на путь наиболее демократической внешней политики, которая только и могла создать наибольшие внешние гарантии национальной безопасности страны. Союз с Советской Россией был решающей внешней политической гарантией национальной безопасности Польши. Буржуазно-юнкерская Германия, вынашивая идею реванша, ещё до своего окончательного поражения оставалась величайшей угрозой национальной безопасности Польши. Против этой угрозы союз с реакционными империалистическими державами — Англией, Францией и Америкой — не мог создать для Польши надёжной внешней гарантии национальной безопасности. На союз же с Советской Россией польские капиталисты и помещики пойти не могли, осуществить такой союз были способны только рабочие и крестьяне. Таким образом, интересы внутреннего процветания и внешней безопасности Польши требовали максимальной демократизации страны.

Вокруг восстановления польского государства шла ожесточённая внутренняя борьба. Рабочие и крестьяне боролись за установление в Польше своей, рабоче-крестьянской власти. Буржуазия и помещики боролись за установление буржуазно-помещичьей власти.

Шла борьба также и внутри лагеря буржуазных и мелкобуржуазных партий. Главными противниками здесь выступали национал-демократы (эндеки) и пилсудчики. Национал-демократы являлись главной партией польской буржуазии и помещиков, возникшей ещё задолго до войны и руководимой Романом Дмовским. Эта партия ставила перед собой две главных цели: борьбу против революционного движения и борьбу против немецкой опасности. Эндеки считали Германию главным национальным врагом поляков. Во время войны они были сторонниками соглашения с Россией (и Антантой). Пилсудчики же, во главе которых стоял Юзеф Пилсудский, главным врагом поляков считали Россию. Пилсудский ещё с 1908 г. создавал на территории Галиции с помощью австрийского правительства военные организации на случай войны с Россией. Во время войны пилсудчики энергично воевали на стороне Германии и Австро-Венгрии. Пилсудчиков поддерживали вначале главным образом мелкобуржуазные элементы: часть интеллигенции и рабочей аристократии, кулацкие и мещанские элементы. К концу войны борьба этих ориентаций не прекратилась. Кроме того эндеки стремились построить централизованное национальное государство с господством польского элемента, пилсудчики же болтали о «федерации» Польши с Литвой, Белоруссией и Украиной.

В момент краха германской оккупации и в первый день польской независимости, 11 ноября, власть захватили пилсудчики. Пилсудский стал «начальником государства». Выходец из богатой помещичьей семьи, он вначале вошёл в социалистическое движение (Польская социалистическая партия). Однако в действительности вся его политическая деятельность была пронизана двумя целями: борьбой против русского народа и борьбой против революционного движения в Польше — рабочего и крестьянского. Практически Пилсудский всё время служил интересам злейшего врага польского народа — германского империализма. Как «социалист» по партийным связям и ярый буржуазный националист в действительности, Пилсудский, с точки зрения польских капиталистов и помещиков, был наиболее подходящей фигурой для управления страной в момент социальных потрясений. Под давлением революционных настроений в народе Пилсудский поручил своему верному приверженцу — «социалисту» Морачевскому — образовать «народное», «рабоче-крестьянское» правительство из социалистов и левых (членов крестьянских партий). Однако это правительство заботилось не о народе, а о создании крепкого буржуазного государства и решительно подавляло революционное дви-

жение; вместе с тем оно повело войну с украинцами за покорение украинской части Галиции. Тем не менее эндеки повели борьбу против правительства Морачевского, так как не считали его достаточной гарантией против рабочего и крестьянского движения. В ночь на 5 января 1919 г. они попытались совершить государственный переворот, но неудачно. Однако через десять дней между эндеками и пилсудчиками было достигнуто соглашение (одной из причин этого соглашения был страх перед революционным движением в стране). Правительство Морачевского ушло в отставку, и было создано «деловое» правительство во главе с Падеревским, примыкавшим к эндекам. Политика правительства Падеревского была ещё более реакционной, чем правительства Морачевского. Подавлялось рабочее и крестьянское движение, вдохновлялись еврейские погромы, правительство начало захватническую войну на землях советских республик.

Борьба буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий за власть происходила на фоне большого революционного подъёма в стране. Из Советской России стала возвращаться огромная масса польских беженцев, солдат и военнопленных, из Германии возвращались угнанные рабочие. Дома они находили бездействующие фабрики и заводы. Безработица и дороговизна нещадно били по рабочим, поднимали их на борьбу. Начали борьбу и крестьяне.

Вдохновителями и организаторами революционного движения в Польше были Социал-Демократия Царства Польского и Литвы и Польская социалистическая партия — Левица. Социал-Демократия, созданная Розой Люксембург и Тышко ещё в 1893 г., была революционной интернационалистской партией польского пролетариата, выдвигавшей на первый план борьбу за классовые интересы рабочих в союзе с рабочим классом других стран и прежде всего России. ППС — Левица, возникшая в 1906 г. в результате раскола с правой ППС, долгое время страдала оппортунистическими ошибками, однако во время войны сблизилась с Социал-Демократией. В первые же дни независимости эти партии обратились к народу с рядом воззваний, содержавших революционные лозунги и призывы. В воззвании «К трудящемуся народу деревень и городов» Социал-Демократия провозглашала:

«Рабочие! На руинах и пепелищах преступной войны народы Европы готовятся к восстановлению своей разрушенной жизни. Какой же должна быть эта новая жизнь? — вот вопрос, который возникает из моря крови, из безмерных страданий, из миллионов военных могил...

«Или хищнические капиталистические государства с вечной угрозой новых всё более страшных войн — или диктатура пролетариата — вот опыт, который с кровью и страданиями последних четырёх лет вошёл в сознание трудящихся масс...

«Наша буржуазия строит своё новое государство, новую жизнь — да, новую жизнь для капиталистов, старое иго для рабочего народа...

«Рабочие! Не будем сидеть пассивно, когда наши имущие классы организуют своё государство, свою эксплуатацию и гнёт, а нам предназначают нужду и неволю.

«Рабочих городских и сельских, безземельных и малоземельных, а также солдат, не желающих быть палачами польского и других народов, мы призываем быть готовыми к созданию Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов под лозунгами: «Вся власть в руки рабочего народа!», «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Да здравствует социальная революция!»⁵.

В то же время Социал-Демократия, ППС — Левица и Варшавский Совет профсоюзов обратились с воззванием «К рабочим городов и де-

⁵ «Socjaldemokracja Królewstwa Polskiego i Litwy», Materiały i dokumenty. 1914—1918, str. 305—307. Moskwa, 1936.

ревень», в котором призывали рабочих, безземельных и малоземельных крестьян, батраков, сельскохозяйственных рабочих и солдат выбрать делегатов в советы. «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов,— говорилось в воззвании,— соединятся в одну великую силу, которая освободит трудящуюся Польшу от эксплуатации и нищеты и соединит её с другими освобождёнными странами в одну семью свободных и братских народов»⁶.

Тогда же, в ноябре, Социал-Демократия выпустила специальное воззвание «К возвращающимся», в котором предупреждала, что на родине их ожидают нужда и голод, и призывала не поддаваться националистической демагогии и продолжать революционную борьбу: «Вы, которые возвращаетесь из стран революции, вы, наученные революционной борьбе, станьте в наших рядах, вступайте в классовые профессиональные союзы, поддерживайте революционную борьбу советов рабочих депутатов!»⁷.

Тогда же Социал-Демократия и ППС — Левица обратились со специальным воззванием к безработным, в котором, между прочим, говорилось: «Огромные массы рабочих текут на родину с востока и запада. Возвращаются демобилизованные солдаты, военнопленные, беженцы, возвращаются с немецкой каторги рабочие, которых насилие или голод выгнали в Германию. Возвращаются домой смертельно истощённые, голодные, с надеждой в сердце, что здесь, на своей родине, они найдут работу, хлеб и успокоение. Но вместо хлеба находят голод и бешеную дороговизну, вместо успокоения — новые мучения. Поражённые, они видят, что увеличивают лишь ряды армии безработных, обречённых имущими классами на голодную смерть». И далее воззвание призывало: «Безработные должны действовать как сплочённая, сознательная и решительная масса... Не желая умирать с голоду, не желая, чтобы буржуазия торжествовала над рабочими, вы должны немедленно организовать, вступая в ряды классовых профсоюзов, стеной стоя вокруг советов рабочих депутатов, собираясь под знамёнами партий революционного социализма...»⁸.

Как видим, все эти воззвания носили боевой революционный характер. С самого начала независимости в Польше звучал лозунг «Власть Советам!»

Вскоре после восстановления независимости в жизни революционных партий произошло серьёзное событие — слияние их в одну, коммунистическую партию. К осени 1918 г. расхождения в политических линиях Социал-Демократии и ППС — Левицы исчезли: ППС — Левица встала на платформу Социал-Демократии. 16 декабря состоялся совместный съезд Социал-Демократии и ППС — Левицы, который и постановил объединить эти две партии в одну и назвать её Коммунистической рабочей партией Польши⁹. Образование коммунистической партии было большим шагом вперёд в деле сплочения и усиления рабочего и революционного движения в Польше, достигшего большого размаха в 1918—1919 годах. Всюду рабочие подымались на борьбу за свои классовые интересы, за установление в Польше подлинного народовластия. Начались массовые выступления пролетариата. 7 февраля 1919 г. почти во всех городах бывшего Царства Польского происходили политические забастовки и демонстрации, направленные против реакционной политики правительства Падеревского. «Эти, часто вспыхивающие забастовки,— пишут польские авторы,— своим массовым характером напоминают забастовочное движение 1905—1907 годов»¹⁰. Многочисленны были

⁶ Там же, стр. 308.

⁷ Там же, стр. 310.

⁸ Там же, стр. 312.

⁹ «Sprawozdanie ze zjazdu organizacyjnego KPRP». Warszawa. 1919.

¹⁰ Крушевский С. и Здзярский М. Цит. соч., стр. 113.

случаи, когда рабочие занимали бездействующие предприятия и требовали от правительства денег для пуска этих предприятий. Почти во всех городах бывшего Царства Польского возникли советы рабочих депутатов — яркое проявление того, как велико было желание польских рабочих изменить социальные порядки в стране.

Большой волной поднялось в это время крестьянское движение. Крестьянское движение, так же как и рабочее, возникло с самого начала восстановления польской независимости. Ещё 16 ноября галицийский помещик Ян Гупка записал в своём дневнике: «Пока Пилсудский устанавливает правительство в Варшаве, в стране ширится грозная анархия. Почти из всех уездов доходят вести о погромах и грабительских нападениях»¹¹. В одном лишь Тарнобжегском уезде (в Галиции, при впадении р. Сан в Вислу) за участие в волнениях было арестовано около 350 крестьян и наказано розгами около 4 тыс. крестьян, несколько из них было забито насмерть»¹². Здесь на короткое время возник даже своеобразный крестьянский центр — так называемая «Тарнобжегская республика». Подобная же «республика» возникла в Пинчове, Келецкой губернии. Всюду крестьяне подымались на борьбу за улучшение своей жизни, за уничтожение старого и установление нового, народно-демократического порядка.

Широкий размах приняло также движение сельскохозяйственных рабочих. Впервые в истории польские сельскохозяйственные рабочие огромными массами поднялись на борьбу против своих господ — помещиков. Они организовывали забастовки, охватывавшие часто целые округа, а в течение первого года независимости трижды устраивали всеобщие забастовки. Повсеместно были созданы фольварочные комитеты, которые руководили движением сельскохозяйственных рабочих.

Власти так же беспощадно подавляли крестьянское движение, как и рабочее. «Народное» правительство Морачевского не было исключением в этом отношении; напротив, оно показало пример своему преемнику — буржуазно-помещичьему правительству Падеревского.

Таковы основные черты рабочего и крестьянского движения в Польше в конце 1918 г. и в первые месяцы 1919 года. Это движение породило и советы рабочих депутатов, явившиеся наиболее ярким выражением революционного подъёма в Польше в то время. Вместе с тем советы рабочих депутатов были и наиболее наглядным доказательством того могучего влияния, которое оказывала Страна Советов на другие страны, в том числе и на Польшу.

Советы рабочих депутатов стали возникать в первые же дни польской независимости. Самые ранние советы, Люблинский и Домбровский, возникли ещё до образования независимого польского государства: Люблинский — 5 ноября, Домбровский — 8 ноября. Варшавский совет возник в первый же день формальной независимости Польши — 11 ноября. После этого движение за создание советов приняло интенсивный характер и охватило все города бывшего Царства Польского. Движение за создание советов происходило и в Галиции, но там оно было перехвачено соглашателями, которые расширили состав своих местных партийных комитетов представителями рабочих и назвали их «рабочими советами». В Познани «рабоче-солдатские советы» с самого начала были тесно связаны с буржуазией и вскоре прекратили существование, слившись с буржуазными «народными советами». Были «рабочие советы» в Верхней Силезии, входившей тогда в состав Германии, но о них у нас нет почти никаких сведений.

В бывшем Царстве Польском советы рабочих депутатов возникли почти во всех городах. Они были в Варшаве, Лодзи, Домбровском бас-

¹¹ Hupka Jan «Z czasów wielkiej wojny», str. 386. Lwów. 1937.

¹² См. Słomka Jan «Pamiętniki włościanina», str. 430—451. Kraków. 1929.

сейне, Люблине, Радоме, Ченстохове, Плоцке, Влоцлавке, Жирардове, Калише, Ломже, Пабияницах, Згеже, Замостье, Петрокове, Белостоке и других местах. Всего в Царстве Польском насчитывалось около 80 советов рабочих депутатов¹³.

Инициаторами создания советов были Социал-Демократия Царства Польского и Литвы и Польская социалистическая партия — Левица, а с половины декабря — Польская коммунистическая рабочая партия. Вскоре в это движение включились и соглашательские националистические рабочие партии: Польская социалистическая партия (ППС), Национальный рабочий союз, Бунд и другие более мелкие еврейские рабочие организации. Соглашатели включились в движение советов тогда, когда увидели, что своим неучастием они не могут остановить роста советов, включились для того, чтобы захватить в этом движении руководство и разложить его. Им удалось получить большинство в советах. Так, в составе девяти крупнейших советов в феврале 1919 г. коммунистов было только 810, соглашателей — 1547; из них к ППС примыкало 868, к Национальному рабочему союзу — 123, к Бунду — 251, к Поалей-Сиону — 224, к прочим еврейским организациям — 51¹⁴. Соглашатели всеми средствами противодействовали укреплению советов, превращению их в органы борьбы за власть, в органы власти; они стремились ограничить деятельность советов экономическими вопросами и превратить советы в послушное орудие правительства — в его «вспомогательные органы». Эта политика соглашателей и прежде всего правой ППС по существу была предательством интересов рабочего класса, которое больше всего и подорвало силу польских советов.

Доля вины в этом ложится и на коммунистическую партию Польши, которая продолжала исповедывать прежние, люксембургские взгляды по ряду важнейших политических вопросов и прежде всего по таким вопросам, как национальный и крестьянский. Вследствие этого коммунистам не удалось завоевать на свою сторону большинство польского рабочего класса, завоевать большинство в советах, и советы не могли стать на последовательно-революционный путь. Большая часть советов посвятила свои усилия экономическим вопросам. Вопрос о власти советов, о борьбе за эту власть ускользал от внимания советов. Кроме того советы существовали лишь в городах. Никакой работы по организации советов крестьянских депутатов и советов солдатских депутатов не велось, и таких советов, за единичным исключением, не существовало. Это также весьма ослабляло общий размах движения за создание советов в Польше.

Ознакомимся с деятельностью некоторых важнейших советов¹⁵.

Передовым советом был совет Домбровского бассейна. Домбровский бассейн, один из главных промышленных центров тогдашней Польши, меньше всего пострадал от немецкого хозяйничанья. Немцы нуждались в угольном топливе, и большинство шахт здесь в течение всей войны продолжало действовать. Основная масса рабочих оставалась на месте. Когда война кончилась, рабочие Домбровского бассейна поднялись на борьбу. Ни в одном уголке Польши не было такого революционного подъема, как в Домбровском бассейне. Стачки, демонстрации, митинги и собрания были обычным явлением. Часто происходили всеобщие стачки, охватывавшие рабочих всего бассейна. Преобладающим влиянием среди рабочих здесь пользовались Социал-Демократия и ППС — Левица, позднее — коммунистическая партия.

¹³ «Rady delegatów robotniczych w Polsce w 1918—1919». Zebrał i opracował H. Bicz., str. 10, 38. Moskwa. 1934.

¹⁴ Там же, стр. 10.

¹⁵ О деятельности польских советов найдены лишь весьма скудные и отрывочные сведения, касающиеся только 22 советов. Скудны и отрывочны сведения также о важнейших советах — Варшавском и Домбровского бассейна.

Ещё 3 ноября в Домброве состоялось несколько рабочих собраний, на которых были приняты предложения социал-демократов и левых социалистов о создании совета рабочих депутатов. 8 ноября в Домброве состоялось первое заседание совета под руководством деятелей Социал-Демократии и ППС — Левицы. Присутствовало 69 делегатов. По случаю начала работы совета были организованы всеобщая стачка и демонстрация. Демонстранты пришли к зданию Купеческого собрания, чтобы занять его для совета рабочих депутатов. Однако занимавшие здание «безелерчики»¹⁶ встретили демонстрацию выстрелами; одного рабочего, проникшего в здание, убили. Тогда демонстранты направились к шахте «Париж», где и состоялось первое заседание совета. Совет единодушно принял следующие предложения: 1) послать революционное, пролетарское поздравление советскому правительству России; 2) послать приветствие освобождённым из тюрьмы Карлу Либкнехту и др.; 3) обратиться к рабочим всей страны с призывом создавать советы депутатов в городе и деревне и готовиться к принятию всей власти в свои руки; 4) призвать рабочих немедленно вооружаться и создавать отряды Красной гвардии. Кроме того совет решил: а) в ультимативной форме потребовать от магистрата удаления из города «безелерчиков» и пригрозить магистрату стачкой рабочих всего Домбровского бассейна в случае невыполнения этого требования; б) потребовать от магистрата денежных средств на содержание Красной гвардии. В конце заседания совет постановил призвать рабочих немедленно создавать фабричные комитеты на всех фабриках, шахтах и литейных заводах¹⁷.

Как видим, Домбровский совет в первый же час своего существования выразил дружбу к Советской России и обратился к рабочим всей страны с призывом готовиться к вооружённой борьбе за власть советов.

Второе заседание состоялось 10 ноября. На это заседание явились и представители ППС. Пепезовцы решили захватить руководство советом в свои руки и парализовать деятельность совета. На заседании был обсуждён лишь вопрос о похоронах убитого рабочего, после чего правые социалисты, оказавшиеся в большинстве, закрыли заседание и вышли на улицу приветствовать люблинское «народное правительство»¹⁸. В этот день вновь происходили всеобщая стачка и демонстрация по случаю похорон убитого на предыдущей демонстрации рабочего; характерно, что новая стачка вспыхнула стихийно, без объявления её Домбровским советом рабочих депутатов.

Через неделю состоялось третье заседание совета. Соглашатели пытались захватить руководство и этим заседанием, но оказались в меньшинстве и ушли с заседания. Совет, однако, предоставил им половину мест в уставной комиссии. Были выбраны три комиссии совета и исполнительный комитет в составе представителей Социал-Демократии и ППС — Левицы. Совет решил действовать до новых выборов, которые должны были быть произведены на основе специального положения¹⁹.

Подобные же события в это время происходили в Сосновце — другом центре угольного бассейна. 10 ноября там состоялся 3-тысячный митинг рабочих. Представители Национального рабочего союза, Христианской демократии и польских профессиональных союзов пытались этот митинг сорвать, но неудачно. Митинг продолжался 7 часов и закончился пением

¹⁶ Польские добровольцы, находившиеся в подчинении немецкого генерал-губернатора Безелера.

¹⁷ Rady, стр. 133, 134.

¹⁸ Образовалось в ночь на 8 ноября в Люблине из представителей социалистов и людовцев во главе с социалистом Дашинским; просуществовало четыре дня и вышло в отставку по требованию Пилсудского.

¹⁹ Rady, стр. 150—151.

«Красного знамени». Было решено послать приветствие русскому пролетариату и советскому правительству, братское поздравление рабочим Домбровы и начать выборы депутатов в совет Домбровского бассейна. Кроме того было решено тотчас же ввести 8-часовой рабочий день во всех шахтах и предприятиях. 13 ноября происходила 2-тысячная демонстрация рабочих одной из шахт в знак протеста против покушений на Красную гвардию, а на следующий день происходили стачка и демонстрация, посвящённые открывшему свою деятельность Сосновецкому совету рабочих депутатов.

Первое заседание Сосновецкого совета состоялось 13 ноября. 15 ноября состоялось второе заседание, обсудившее целый ряд важных вопросов. Совет принял следующие решения: 1) выработать план захвата рабочими руководства экономической жизнью Домбровского бассейна; 2) выработать устав совета; 3) немедленно провести выборы местных комитетов на всех предприятиях и подготовиться к выборам районных советов; 4) выработать устав сосновецкой Красной армии, самым энергичным образом вовлекать в ряды армии всех способных к ношению оружия рабочих и собирать оружие; 5) договориться с Домбровой о создании общего совета рабочих депутатов Домбровского бассейна; 6) проинвестировать оплату времени, затраченного депутатами на работу в совете, из кассы предприятия. Кроме того были выбраны исполнительный комитет совета и мандатная комиссия. Заседание совета происходило с большим подъёмом и закончилось пением «Красного знамени»²⁰.

Из принятых решений особо следует отметить намерение Сосновецкого совета захватить в свои руки управление экономической жизнью Домбровского бассейна и намерение самым энергичным образом создавать Красную гвардию и собирать оружие.

На следующий день исполнительный комитет совета постановил обязать управления шахт и заводов немедленно выдать рабочим заработную плату и продовольствие за время последней 3-недельной стачки во время оккупации.

18 ноября исполнительный комитет постановил немедленно осуществить следующие мероприятия: 1) ввести 8-часовой рабочий день; 2) повысить заработную плату на 100%; 3) установить минимальную заработную плату в 12 марок за 8-часовой рабочий день; 4) удовлетворить следующие нужды трудящегося населения: а) удвоить продовольственные пайки, б) каждому рабочему выдавать в месяц 8 корцев угля с доставкой на дом; 5) ввести три и четыре смены — по мере наплыва безработных; 6) подчинить окружное бюро труда совету рабочих депутатов; 7) взять в своё ведение общественные и городские чайные и столовые и открыть новые; 8) начать переговоры с магистратом по вопросу об организации общественных работ. Фабричным и шахтным комитетам поручалось наблюдение за немедленным выполнением соответствующих пунктов этих решений²¹.

Как видим, всё это постановление дышит необычайной революционной энергией: Сосновецкий совет определённо стремился стать хозяином своего округа.

21 ноября происходила демонстрация рабочих шахты «Сатурн», требовавших освобождения шахтного клуба от белой гвардии и предоставления его в распоряжение совета. Белая гвардия встретила рабочих оружием и огнём — 5 человек было убито и несколько ранено. Огромное возмущение охватило рабочих. Через два дня во всём угольном бассейне — Домбровском и Сосновецком районах — вспыхнула всеобщая стачка протеста против белого террора. Стачка сопровождалась массовой демонстрацией в Сосновце, в которой участвовали рабочие колонны и из других городов бассейна. На следующий день около 20—30 тыс. рабочих,

²⁰ Rady, стр. 145—148.

²¹ Там же, стр. 149—150.

в том числе пришедшие из соседних городов, участвовало в похоронах своих убитых товарищей.

В декабре движение продолжалось с неослабевающей силой. Митинги, демонстрации и забастовки свидетельствовали о нарастании революционного подъёма. Когда вечером 5 декабря отряд белой гвардии учинил налёт на комиссариат Красной гвардии в Домброве, тотчас же загудели гудки, тысячи рабочих бросились выручать своё учреждение, а на следующий день происходила всеобщая забастовка рабочих всего Домбровского бассейна.

Буржуазия всеми способами сопротивлялась революционному напору рабочих масс. Однако она вынуждена была идти и на уступки. 16 декабря на объединённом заседании Домбровского и Сосновецкого советов по отчётам с мест выяснилось, что хозяева большинства предприятий идут на известные уступки: одни платят за время стачки, но отказываются повысить заработную плату, другие — наоборот; многие соглашались на повышение заработной платы, но не на 100%. Среди капиталистов нет единого фронта. Одни соглашались на уступки, другие решительно сопротивляются. Чаще всего можно было слышать такой ответ: «Если другие уступят, то и я уступлю». В отношении к сопротивляющимся хозяевам среди рабочих господствовало боевое настроение. Объединённое заседание постановило: «Исходя из положения, что борьба, которую начал пролетариат Домбровского бассейна, является началом борьбы за свержение буржуазных правительств, за диктатуру пролетариата и введение социализма, советы постановляют провозгласить в четверг 19 декабря всеобщую стачку, которая под лозунгом удовлетворения требований, поставленных капиталистам советами рабочих депутатов, должна быть вместе с тем первой атакой на твердыню организованного капитала»²².

19 декабря началась всеобщая стачка рабочих всего Домбровского бассейна. На этот раз рабочие выставили ряд экономических требований, в том числе требование повышения заработной платы. На следующий день в Домброве состоялась огромная демонстрация с участием многочисленных делегаций из других городов. Забастовка продолжалась 8 дней. Большинство шахт было занято правительственными войсками. На бастующих рабочих посыпались репрессии. Правое руководство местных организаций ППС, Национального рабочего союза и жёлтых «польских профсоюзов» начало подрывную работу. Несмотря на успешное начало, забастовка была сильно ослаблена репрессиями «народного» правительства и изменой соглашателей; по решению советов она была прекращена, и шахтные комитеты начали самостоятельные переговоры с капиталистами на основе уже сделанных ими уступок. В принятой 27 декабря резолюции советы отметили, что стачка была подорвана «предательской, нудной политикой ППС — фракции и польских союзов», а также «подавлена народным правительством»²³.

Боевой дух рабочих Домбровского бассейна находил своё выражение не только в забастовках, митингах и демонстрациях, но и в организации вооружённых отрядов, которые назывались здесь Красной армией. Эти отряды стали возникать в первые же дни независимости. В газете «Глос роботничы» от 11 декабря сообщалось: «В каждом уголке Домбровского бассейна есть отряды Красной армии: в Сосновце, Домброве, Челяди, Миловицах, Гродцу и многих других рабочих местах. Везде существуют военные комиссариаты, которые руководят и организуют дело вооружения рабочих. Стремлением рабочих является создание своей вооружённой силы, которая бы поддерживала борьбу революционного пролетариата. Эта вооружённая сила рабочих, составляющая сегодня только в одном

²² Rady, стр. 160—161.

²³ Там же, стр. 167.

Домбровском бассейне две тысячи человек, собранных в Красной армии, не даёт покоя буржуазии»²⁴.

С нового года начал действовать избранный в январе общий совет рабочих депутатов Домбровского бассейна. В этом совете за коммунистов голосовало (по данным за февраль) 229, за ППС — 130, за остальные фракции — 31²⁵. Как видим, коммунисты пользовались здесь преобладающим влиянием. Председателем исполнительного комитета был избран коммунист.

Совет рабочих депутатов Домбровского бассейна продолжал действовать ещё в течение полугода. Он рассматривал самые различные вопросы: о конфликтах на шахтах и заводах, об арестах революционных рабочих, о мерах ликвидации безработицы, об отношении к введению исключительного положения в Царстве Польском, о праздновании 1 Мая, о борьбе с еврейскими погромами, об опеке над политическими заключёнными и т. д. Из наиболее крупных мероприятий совета отметим 3 организованные им всеобщие политические забастовки. 7 февраля рабочие всего Домбровского бассейна участвовали во всеобщей политической забастовке протеста, охватившей рабочих всей страны и направленной против всей реакционной политики правительства Падеревского. 12 февраля рабочие Домбровского бассейна повторили всеобщую политическую забастовку протеста «против контрреволюционной внутренней и враждебной народу внешней политики». Всеобщая политическая забастовка в Домбровском бассейне повторилась 12 марта; через два дня эта забастовка превратилась в экономическую. Правительство вновь прибегло к массовым репрессиям, а соглашатели возобновили свою подрывную работу. Постепенно ослабевая, забастовка прекратилась 20 марта. В мае Домбровский совет принял специальную резолюцию протеста против захвата литовских и белорусских земель польскими войсками: «Особенно контрреволюционный характер носит война, которую польская буржуазия учинила против Литовско-Белорусской советской республики и союзной с ней Советской России. Нашествие польской армии на Литву и Белоруссию, отмечаемое кровопролитием, пожарами и разрушением, убийствами мирного населения и еврейскими погромами, является преступлением польской буржуазии и приказывающей ей буржуазии союзных государств, преступлением, вина за которое падает и на ППС, одобряющую в сейме мобилизацию и военные кредиты и провозглашающую лживый лозунг освобождения Литвы «из-под ига диких большевистских орд». Далее совет требовал немедленного прекращения этой войны, воздавал честь борцам за рабочее дело, павшим в Литве в борьбе с захватнической польской армией, и призывал польских солдат к братанию с белоруссами и литовцами. Характерно, что социалисты ушли с заседания перед голосованием этой резолюции»²⁶.

2 июня Домбровский совет принял резолюцию в защиту фабрично-заводских комитетов от покушений правительства и резолюцию о необходимости созыва съезда советов в ближайшее время.

На этом обрываются сведения о деятельности Домбровского совета. В июле совет в полном составе был арестован.

Такова в общих чертах картина движения и деятельности советов в Домбровском бассейне в период наибольшего революционного подъёма.

Оценивая деятельность Домбровского совета, мы должны признать её революционный характер. Домбровский совет был передовым во всей Польше. Однако и в его деятельности были допущены ошибки. Это, во-первых, оборонительная тактика совета, расчёт на стихийное развёртывание революции; в материалах о деятельности совета нет сведений, кото-

²⁴ Rady, стр. 157.

²⁵ Там же, стр. 10.

²⁶ Там же, стр. 193—195.

рые указывали бы на действительную подготовку восстания и захвата власти. Во-вторых, отсутствие связи с крестьянами и солдатами, пренебрежение их революционными возможностями. Следует отметить, что и Центральный комитет коммунистической партии не уделил надлежащего внимания Домбровскому бассейну.

Иной характер носила деятельность Варшавского совета, который, как столичный, имел важнейшее значение. Варшава была наиболее беспокойным городом в период германской оккупации: больше всего забастовок и демонстраций проходило именно в Варшаве. В первые недели независимости Варшава также отличалась оживлённым, подчас бурным политическим движением. С 11 ноября по конец года в Варшаве произошло 14 забастовок, а в первое полугодие 1919 г. — 39²⁷. Однако по сравнению с Домбровским бассейном Варшава занимала второе место в революционном подъёме 1918—1919 годов. Здесь гораздо больше оказывалось влияние соглашательских и националистических элементов, чем в Домбровском бассейне. Значительно больше было здесь и мелкобуржуазных элементов. Всё это ограничивало размах и силу революционного движения в Варшаве, что не могло, в свою очередь, не отразиться отрицательно на общем ходе революционного подъёма в Польше.

Наиболее бурным в Варшаве был первый месяц независимости — ноябрь. В это время классовая борьба варшавских рабочих переплеталась с борьбой политических партий за государственную власть. Большинство рабочих Варшавы следовало за ППС, Национальным рабочим союзом, Бундом и другими организациями, старавшимися направить рабочих от революционной борьбы на путь соглашения с буржуазией. Однако, несомненно, что многие из этих рабочих шли за социалистами и другими соглашателями лишь по причине искреннего заблуждения относительно подлинного характера революционной фразеологии соглашателей, а в действительности были готовы к революционной борьбе за свои классовые интересы так же, как и более сознательные рабочие.

10 ноября в Варшаве состоялась внушительная демонстрация рабочих, организованная по инициативе Социал-Демократии и ППС — Левицы. В тот же день и на следующий, по инициативе тех же партий и варшавских профсоюзов происходили выборы в Варшавский совет рабочих депутатов. Вечером 11 ноября состоялось первое заседание Варшавского совета рабочих депутатов, избранных на 25 фабриках и заводах.

13 ноября по инициативе ППС в Варшаве происходили всеобщая забастовка и массовая демонстрация протеста против дальнейшего правления Регентского совета, созданного в 1917 г. немцами и являвшегося их послушным орудием в планах создания убудочного «польского королевства». Рабочие требовали установления народной власти и, как бы превосходящая её, водрузили красное знамя на старом королевском замке. 16 ноября состоялось второе заседание Варшавского совета, на котором присутствовало 325 делегатов от значительно большего количества предприятий. В качестве докладчиков выступали представители от Социал-Демократии и от ППС — Левицы. На этом заседании была принята революционная резолюция, в которой, между прочим, говорилось: «Задачей рабочих масс в настоящее время не может быть национальная борьба, как и попытки реформирования нынешнего строя, но полное его уничтожение и построение на его развалинах социалистического строя... Завоевание социализма зависит от сознательной воли и неуклонной борьбы рабочих масс, которые в России и Германии уже выхватили власть из рук эксплуататоров. Эта сознательная воля растёт и у нас в Польше, но победу рабочих задерживает соглашательская политика псевдосоциалистической партии, так называемой ППС — Революционной фракции, которая обманывает рабочих, заявляя, что освобождение рабо-

²⁷ Szturm de Sztrem T. «Walka o płace zarobkowe», str. 15, 49. Warszawa. 1922.

чих от пут эксплуатации и угнетения возможно без уничтожения господства капитала... Нашим лозунгом является: вся власть в руки Советов рабочих депутатов в городе и в деревне. Братский союз с революционным пролетариатом России и Германии»²⁸.

17 ноября, когда стало известно о сопротивлении правых (буржуазных) партий созданию «левого» правительства, варшавские рабочие вновь организовали мощную демонстрацию протеста против политики правых с требованием немедленного образования народного, рабоче-крестьянского правительства. Это весьма повлияло на исход борьбы между правыми и «левыми».

В то же время рабочие вели борьбу и за свои экономические классовые интересы. Здесь вновь на первом месте оказались рабочие городских предприятий, столь часто бастовавшие в период оккупации. 21 и 25 ноября эти рабочие устроили многолюдные митинги, на которых участвовало по 3—4 тыс. человек, а затем, 28 ноября, 12 тыс. рабочих городских предприятий начали забастовку. На следующий день все бастующие рабочие собрались к магистрату и добились победы: установления 8-часового рабочего дня, значительного повышения заработной платы, оплаты первого мая и двухнедельной стачки в том же мае, возвращения на работу всех уволенных за стачку рабочих и выплаты им трёхмесячного вознаграждения, наконец, выплаты месячного вознаграждения для всех рабочих городских предприятий. Забастовка проходила под руководством социал-демократов.

Забастовки, митинги и демонстрации продолжались в Варшаве и в последующее время, хотя и не так интенсивно, как в ноябре. Образование «рабоче-крестьянского» правительства Морачевского породило среди многих рабочих иллюзии и надежды на перемены к лучшему без острых столкновений.

В скором времени, 21 ноября, возник Варшавский совет рабочих депутатов, созданный ППС — фракцией. На заседаниях этого совета Арцишевский (ведёт и поныне борьбу из Лондона против народно-демократической Польши) и другие правые лидеры ППС доказывали, что главным долгом польского пролетариата является борьба за восстановление старых польских границ и поддержка правительства Морачевского; что это правительство, возникшее на почве компромисса, не может вводить социалистический строй, но будет только готовить почву для него и т. д. Заседания совета проходили под знаком доверия правительству Морачевского²⁹.

Первый Варшавский совет выпустил воззвание, в котором протестовал против образования второго совета и призывал к их объединению. Единство советов было необходимо в интересах единства самого рабочего класса; кроме того единые советы облегчали дело разоблачения и изоляции соглашательских партий. На третьем заседании первого совета, состоявшемся 23 ноября (на этом заседании присутствовало 436 делегатов), было решено добиваться единства советов рабочих депутатов, определенно отношение к правительству Морачевского. По последнему вопросу было сказано: «Правительство Морачевского, которое называется социалистическим, было создано с целью обмана рабочих масс видимостью рабоче-крестьянского правительства и отвлечения их от борьбы за диктатуру пролетариата; рабочий класс должен бороться с этим правительством самым беспощадным образом и стремиться к захвату власти в свои руки». Было решено ввести 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю и немедленно создать на всех предприятиях фабричные и заводские комитеты. В качестве одной из важнейших текущих задач этих комитетов указывалась борьба с саботажем предпринимателей во всех его

²⁸ Rady, стр. 70—71.

²⁹ Там же, стр. 72—78.

формах. Наконец, совет взял под охрану жилищные интересы рабочих и служащих; по этому вопросу было решено: 1) аннулировать всякую задолженность по квартирной плате; 2) освободить всех безработных от квартирной платы вплоть до подыскания ими постоянной работы; 3) снизить квартирную плату наполовину по сравнению с довоенным уровнем; 4) создать из представителей жильцов домовые комитеты³⁰.

После этого начались переговоры со вторым советом рабочих депутатов об объединении. Пепезовцы затягивали переговоры, но в конце концов под давлением рабочих масс вынуждены были согласиться на образование единого совета. 12 декабря состоялись выборы з новый, единый совет. Большинство в нём завоевали соглашатели: на втором заседании совета за коммунистов голосовало 297 депутатов, за ППС — 333, за Бунд — 125, за другие еврейские фракции — 74, за фракцию польских профессиональных союзов — 62³¹.

Соглашатели начали с того, что три недели саботировали созыв первого заседания вновь избранного совета. По районам стали происходить специальные собрания депутатов совета, требовавшие немедленного созыва первого заседания. Только 5 января 1919 г., после покушения эндеков на «народное» правительство, было созвано первое заседание. На этом заседании обсуждались главным образом политические вопросы: о попытке государственного переворота, о всеобщем вооружении рабочих, об освобождении заключённых рабочих и о расследовании обстоятельств убийства членов советской миссии Красного Креста³²; последние три вопроса были подняты коммунистами. Депутаты совета договорились лишь по одному вопросу: было решено послать делегацию к правительству Морачевского с требованием освобождения заключённых рабочих. По всем другим вопросам договориться не смогли. По вопросу об оценке политического положения в связи с попыткой переворота никакой резолюции принято не было, так как ни одна из них не могла собрать большинства голосов. Предложение коммунистов о всеобщем вооружении рабочих, необходимом для пресечения всяких покушений контрреволюции, было отвергнуто. Было отвергнуто также предложение о посылке собственной комиссии для расследования на месте обстоятельств убийства членов советской миссии Красного Креста³³. Неспособность Варшавского совета к революционной борьбе обнаружилась уже на первом его заседании: соглашатели срывали все попытки направить совет на революционный путь. Соглашательское большинство совета было против перехода государственной власти в руки советов.

На втором заседании совета, происходившем 15 января, были приняты три резолюции³⁴. Первая резолюция касалась вопроса об арестованных рабочих и настаивала на том, чтобы правительство дало ясный и категорический ответ на требование совета об их освобождении. Вторая резолюция гласила о необходимости проведения общепольского съезда советов, созвать который поручалось исполнительному комитету. Третья резолюция касалась фабрично-заводских комитетов и стоявших перед ними задач. Последние определялись следующим образом: 1) приём и увольнение рабочих; 2) надзор за продолжительностью рабочего дня и соблюдением закона об охране труда; 3) организация продовольственного снабжения на предприятии; 4) проведение в жизнь решений совета рабочих депутатов; 5) надзор за производством на предприятии; 6) противодействие саботажу фабрикантов. Задачи фабрично-заводских комитетов

³⁰ Radi, стр. 73—76.

³¹ Там же, стр. 93.

³² Эта миссия в составе 5 человек прибыла в Варшаву, где была арестована, а затем, при отправке к советской границе, подверглась зверскому нападению: четверо были убиты и один тяжело ранен.

³³ Rady, стр. 86—92.

³⁴ Там же, стр. 92—95.

определялись достаточно широко, однако в большинстве случаев они не были выполнены из-за противодействия предпринимателей и официальных властей. На этом же заседании был выбран исполнительный комитет, в который вошли 12 коммунистов, 13 социалистов, 5 бундовцев и 5 представителей от других фракций. Были оглашены также политические декларации всех основных фракций, в которых определялись позиции по основным вопросам политики советов.

Декларация ППС гласила: «Принимая во внимание необходимость непосредственного и организованного участия пролетариата деревни и города в создании нового порядка в Польше, ППС считает необходимым создание во всех центрах Советов рабочих депутатов... Кроме своей совещательной и инициативной роли советы должны стать вспомогательным органом в реализации распоряжений, декретов и намерений народного правительства. Задачей Советов рабочих депутатов должно быть сотрудничество с народным правительством в следующих областях хозяйственной жизни: в нормировании промышленного производства, в упорядочении городского и сельского хозяйства, в снабжении продовольствием города и деревни, а также в борьбе со спекуляцией. Советы рабочих депутатов должны напрячь все свои силы, чтобы поднимающая голову буржуазная реакция встретила в них непреодолимую преграду»³⁵. Как видим, ППС ясно и определенно стремилась к тому, чтобы извратить роль советов, превратить советы во «вспомогательные органы» «народного правительства».

В декларации коммунистической партии говорилось: «В качестве главного лозунга современного периода Коммунистическая рабочая партия Польши выдвигает лозунг социальной революции, диктатуры пролетариата и борьбы за власть Советов рабочих депутатов. Польша, несмотря на особенно неблагоприятные условия для революции, созданные разрушением промышленности и рассеянием пролетариата, также вступает наравне с другими странами гибнущего капиталистического мира в период социальной революции... В будущей победе революционного интернационала, в единстве революционных задач международного пролетариата, в братском союзе с рабочим правительством Советской России и борющимся под знамёнами Спартака пролетариатом Германии Коммунистическая рабочая партия Польши видит опору в своей борьбе и гарантию победы пролетариата нашей страны. Польский революционный пролетариат должен сломить как могущество явной буржуазной реакции, так и замаскированных её союзников из лагеря ППС — Революционной фракции, которая создала так наз. рабоче-крестьянское правительство, являющееся покорным слугой, орудием и ширмой польской контрреволюции»³⁶.

Хотя декларации еврейских социалистов: Бунда, Еврейской социалистической рабочей партии («Объединённых») и Поалей-Сиона — и носили оппозиционный характер по отношению к «народному правительству», снисходительно смотревшему на еврейские погромы, но еврейские мелкобуржуазные социалисты не поддерживали коммунистов, когда те призывали к революционной борьбе за власть советов.

Ярко соглашательский характер носила декларация польских профессиональных союзов, заявлявшая: «Нашим стремлением является признание советами рабочих депутатов следующих требований: 1) независимость и объединение польских земель; 2) представительство и защита экономических интересов рабочих перед правительством, фабрикантами и городскими самоуправлениями; 3) противодействие всяким попыткам захвата политической власти советом рабочих депутатов и борьба против всякой политической и общественной диктатуры; 4) советы рабочих депу-

³⁵ Rady, стр. 95—96.

³⁶ Там же, стр. 96—97.

татов должны стать на почве беспартийности, свободной от всякой демагогии и болезненного влияния партий, и в первую очередь должны выдвигать требования хлеба и работы»³⁷.

Как видим, разногласия в Варшавском совете рабочих депутатов были непримиримые. Совет мог ступить на революционный путь лишь при условии завоевания в нём большинства коммунистами.

Отставка «народного правительства» и приход к власти буржуазного правительства Падеревского в середине января 1919 г. не изменили характера деятельности Варшавского совета. Варшавский совет никогда не ставил своей задачей свержение реакционного правительства и завоевание власти. Главная вина за это падает на ППС, имевшую в совете наиболее влиятельную фракцию. ППС, политику которой определяло правое предательское крыло, усматривала свою основную задачу в создании буржуазного польского государства. Она не хотела свержения власти буржуазии и всячески ограничивала размах революционного движения. Будучи агентурой буржуазии в рабочем движении, правые пепезовцы тянули рабочих к соглашению с буржуазией и правительством.

Дальнейшая деятельность Варшавского совета вращалась главным образом вокруг двух вопросов: 1) борьбы против политических репрессий, за демократию и 2) борьбы за экономические интересы рабочих. 24 января совет потребовал немедленного освобождения всех революционных деятелей, прекращения насилий и репрессий в отношении к рабочим организациям и гарантий полной свободы собраний, печати и слова, а также свободы деятельности самого совета. 30 января совет вынес решение по вопросу о борьбе с безработицей и помощи безработным и вновь занялся вопросом борьбы с политической реакцией. 6 февраля совет вынес решение о проведении на следующий день всеобщей политической стачки протеста против реакции; эта стачка действительно состоялась в Варшаве на другой же день.

Как мы уже знаем, в этот день происходила всеобщая политическая стачка рабочих в Домбровском бассейне. Следует сказать, что подобные стачки происходили в этот день в большинстве городов бывшего Царства Польского. Многие десятки тысяч рабочих желали выразить свою солидарность с варшавскими рабочими. Это было действительно массовое и солидарное выступление польского пролетариата. Однако оно не имело революционного руководства и осталось эпизодическим явлением, не повлиявшим на дальнейшее усиление революционного подъёма в Польше.

11 февраля Исполнительный комитет Варшавского совета вынес протест против куцей амнистии, объявленной правительством, и потребовал освобождения всех политических заключённых. В то же время совет энергично потребовал от капиталистов вознаграждения рабочих за день стачки 7 февраля; в результате почти все казённые и городские предприятия и много частных предприятий оплатили день стачки рабочих. 25 февраля совет вновь вернулся к вопросу о борьбе с политической реакцией, вынес решение о необходимости всеобщей политической стачки по всей стране и поручил Исполнительному комитету договориться «по этому жгучему, не терпящему отлагательства вопросу» с другими, более крупными советами страны. 4 марта совет обсуждал вопрос об утайке польским правительством мирных предложений советского правительства, но не смог принять никакой резолюции вследствие противодействия этому со стороны лидеров ППС. В марте Исполнительный комитет совета выпустил воззвание ко всем советам рабочих депутатов с призывом готовиться к общепольскому съезду советов. 10 марта совет вновь обсуждал вопрос о всеобщей политической стачке протеста по всей стране, решённой советом 25 февраля и подтверждённой совещанием представителей крупнейших советов; на этот раз социалисты отказались голосовать за проведе-

³⁷ Rady, стр. 99—100.

ние стачки, и вопрос был отложен. В течение всего этого времени совет много внимания уделил защите материальных интересов рабочих: за полтора месяца к нему обратилось свыше 18 тыс. человек по самым различным нуждам. Случалось, что в совет обращались и капиталисты с жалобой на рабочих и на профсоюзы. 14 мая совет обсуждал вопросы продовольственного снабжения, стачки железнодорожников, выселений безработных из квартир и, наконец, увольнения с работы на железных дорогах евреев. По всем этим вопросам были приняты решения о помощи рабочим, безработным и стачечникам, а также была принята резолюция, призывавшая железнодорожников противодействовать распространению национальной вражды и не увольнять евреев с работы; характерно, что многие депутаты — социалисты и профсоюзники — были против этой резолюции. 19 мая совет на чрезвычайном заседании обсуждал вопрос о преследованиях бастующих железнодорожников, но не принял никакой резолюции из-за разногласий между фракциями. 6 июня совет принял резолюцию, призывавшую рабочих противодействовать постоянно повторяющимся еврейским погромам и эксцессам.

На этом обрываются сведения о деятельности Варшавского совета рабочих депутатов.

Как видим, Варшавский совет потратил немало усилий в борьбе за улучшение правового и материального положения рабочих, но он оказался неспособен к борьбе за власть советов. Его деятельность носила соглашательский характер.

Возьмём, к примеру, ещё Люблинский совет, возникший раньше всех — 5 ноября. В его составе были представители Социал-Демократии, ППС — Левицы, ППС — фракции, Бунда и Поалей-Сиона. Первым вопросом, которым занялся совет, был вопрос о введении 8-часового рабочего дня. Характерно, что большинство совета отклонило предложение опубликовать этот декрет для евреев на еврейском языке. 6 ноября состоялся рабочий митинг, посвящённый реализации декрета о 8-часовом рабочем дне. Собрание приняло несколько резолюций: о введении 8-часового рабочего дня, о создании красной милиции, резолюцию социалистов о «рабоче-крестьянской Польше», резолюцию ППС — Левицы о борьбе за диктатуру пролетариата и, наконец, резолюцию о проведении на следующий день всеобщей забастовки.

Перевес соглашателей в совете обусловил тот факт, что еврейские депутаты были исключены из состава совета и еврейские рабочие вынуждены были создать свой совет. Упорной работой коммунистам удалось усилить своё влияние в совете, и в феврале 1919 г. в Люблинском совете были 41 коммунист и 44 социалиста. По инициативе коммунистов совет постановил образовать местные комитеты на фабриках и заводах и домовые комитеты в жилых домах. Когда фабриканты стали закрывать свои предприятия, совет энергично выступил против этого и решил требовать от них в случае закрытия предприятия 3-месячного вознаграждения рабочих.

17 мая Люблинский совет раскололся. Соглашатели не пожелали работать вместе с коммунистами, ушли с заседания совета и вскоре образовали свой отдельный совет рабочих депутатов. На этом факте обрываются сведения о деятельности Люблинского совета³⁸.

Что касается других советов, то о них сохранились ещё более скудные и отрывочные сведения, так что связанное представление о их деятельности дать невозможно. Можно лишь отметить, что во всех прочих советах большинство составляли социалисты и другие соглашатели и что деятельность этих советов имела такой же ограниченный характер, как и деятельность Варшавского. Главной заботой этих советов было улучшение экономического положения рабочих.

³⁸ Rady, стр. 213—222.

Кроме отдельных советов существовала Организационная комиссия по созыву съезда советов. Эта комиссия созвала четыре совещания представителей наиболее крупных советов. Совещания происходили в феврале, марте, апреле и июне. На всех совещаниях большинство составляли социалисты и еврейские представители. Обсуждались вопросы: об организации советов, о съезде советов, о выборной инструкции, о политических репрессиях, о проведении всеобщей политической забастовки, о празднике 1 Мая и др. Результаты этих совещаний были более чем скромные. Кроме резолюции об организации советов, пожалуй, единственным серьёзным и реальным актом совещаний было решение о проведении всеобщей политической забастовки 12 и 13 марта, принятое на втором совещании. По другим вопросам фракции не могли договориться. Съезд советов неоднократно оттягивался по настоянию фракции ППС. С последнего же совещания Организационной комиссии социалисты ушли в самом начале. Коммунисты и еврейские социалисты в принятой резолюции отметили, что «ППС открыто приступила к разрушению всей организации советов в стране»³⁹.

Действительно, социалисты уже давно мечтали о «перестройке» советов. Им не нравилось, что они составляют меньшинство в советах по сравнению с общим количеством коммунистов, еврейских социалистов и беспартийных, что вследствие этого они не могут превратить советы в своё послушное орудие. Им хотелось также иметь монопольное право на легальное представительство рабочих и лишить этого права коммунистов. Так как советы рабочих депутатов представляли собой легальное поле деятельности, на котором могли выступать и коммунисты, то социалисты решили добиваться «перестройки» советов. Практически это означало раскол единых советов. Ещё в марте главный теоретик ППС Феликс Перль писал: «Мы не можем позволить, чтобы в советах нас майоризовали другие партии — коммунисты и еврейские партии. Общерабочий совет депутатов должен быть федерацией партийных советов»⁴⁰. В это же время против советов выступил и Национальный рабочий союз. В газете этого союза писалось: «Ныне советы рабочих депутатов следует трактовать как враждебные нам и польскому государству учреждения; поэтому следует порвать с ними всякие отношения и беспощадно с ними бороться»⁴¹. Национальный рабочий союз действительно порвал с советами ещё в марте. Социалисты начали это дело в мае. 17 мая социалисты ушли из Люблинского совета и образсвали свой «Независимо-социалистический совет рабочих депутатов». После Люблина последовал раскол и других советов.

Социалисты попытались легализовать этот раскол на четвёртом (июньском) совещании представителей крупных советов, но неудачно: коммунисты, еврейские социалисты и беспартийный делегат выступили против раскола советов; социалисты ушли. Тогда Главный совет ППС вынес решение, гласившее: «Организовать повсюду советы рабочих депутатов, составленные из членов ППС и беспартийных, стоящих на позиции независимой Польской социалистической республики. Общие советы — поскольку они не сливаются с нашими — мы признаём возможными только на федеративной основе после предварительного соглашения отдельных советов»⁴². Так ППС открыто решила разбить единые советы рабочих депутатов. Многие социалисты были против такой политики и организовались в оппозицию.

В июне все советы рабочих депутатов были расколоты, в том числе и Варшавский. Наряду со старыми советами, состоявшими из коммунистов, еврейских социалистов, оппозиции ППС и беспартийных, повсюду

³⁹ Rady, стр. 47—48.

⁴⁰ Цит. по книге «PPS a Rady delegatów robotniczych», стр. 21.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 28.

возникли «независимо-социалистические» советы. Раскол советов означал их упадок и скорую ликвидацию. Уже в июле правительство приступило к их ликвидации, арестовывая депутатов и занимая помещения советов. Варшавский совет прекратил свою деятельность 20 июля.

Так с помощью ППС правительство ликвидировало советы рабочих депутатов.

Недолго существовали и «независимо-социалистические» советы, умершие своей естественной смертью.

Польские советы рабочих депутатов, как мы уже отметили, сыграли известную роль в борьбе за демократию и за улучшение положения рабочих. Но, за исключением советов Домбровского бассейна, они не вели никакой борьбы за власть советов: они были против завоевания государственной власти в свои руки. Это были типично соглашательские советы, напоминая собой меньшевистско-эсеровские советы в России летом 1917 г. или социал-демократические советы в Германии в конце 1918 года. «Советы, — говорит И. В. Сталин, — представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но всё же форму организации. Всё зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму. Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контр-революцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эсеры и советы прикрывали контр-революцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контр-революцию против революции. Стало быть, дело не только в советах, как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, кто именно руководит советами, — революционеры или контр-революционеры»⁴³.

Польскими советами, за исключением Домбровского, руководили правые социалисты прежде всего. Приверженцы Пилсудского составляли подавляющее большинство в центральных и средних звеньях ППС; они-то и направляли политику партии по пути соглашения с буржуазией и помещиками. Большинство же рабочих социалистов готово было вести совместную с коммунистами революционную борьбу. Чтобы удержать под своим влиянием левеющие рабочие массы, правые руководители ППС решили использовать и советы рабочих депутатов как форму, которая в России олицетворяла государственную власть пролетариата и которая во всех странах пользовалась среди рабочих огромной популярностью. Как и другие социал-предатели, они всеми силами старались воспрепятствовать превращению советов в органы восстания и государственной власти и удержать их в роли «вспомогательных органов» при «законном» правительстве, стремясь, как говорил Ленин, «поженить систему Советов с учредилкой»⁴⁴. «Советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы»⁴⁵. Так случилось и с польскими советами. Правда, польские советы благодаря усилиям коммунистов играли известную положительную роль, пробуждая революционное сознание рабочих и одним своим существованием напоминая о революции; это и вынудило Главный совет ППС вынести 20 июня 1919 г. решение о расколе советов. Однако польские советы не выполняли своей главной задачи — борьбы за власть советов. Слабость польских советов была выражением слабости и незрелости польского пролетариата. Польский пролетариат того времени, как и германский, в большинстве своём ещё «не дифференцировался», как го-

⁴³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 519. 10-е изд.

⁴⁴ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 135, а также 318.

⁴⁵ Резолюция II конгресса Коминтерна «Об условиях организации советов»; см. также Ленин. Соч. Т. XX, стр. 251; т. XXI, стр. 288.

ворил Ленин, от буржуазии. Большинство польского пролетариата, выросшего в условиях национального угнетения, шло за националистическими лозунгами соглашательских и буржуазных партий. Восстановление независимого польского государства импонировало массам и отвлекало их от классовой борьбы. Поэтому ликвидация советов не вызвала широкого протеста среди рабочих. Особенно старались разжечь националистические чувства правые пепеэсовцы. В. И. Ленин говорил в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б): «У поляков идёт самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета Рабочих Депутатов: от польских социал-предателей — 333, от коммунистов — 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалёк уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года. Но, во-первых, не издан ещё такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А, во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать... Польское пролетарское движение идёт по тому же пути, что и наше, идёт к диктатуре пролетариата, но не так, как в России... Нельзя не считать с тем, что там путь идёт несколько своеобразно»⁴⁶.

Своеобразие польского рабочего движения, выразившееся в преобладании национального сознания над классовым, обусловило задержку в развитии революционного движения в Польше. Август не сменился Октябрем. Главным тормозом в развитии классового сознания польских рабочих была ППС. Она развращала рабочих духовно, она предавала их коренные классовые интересы. Она же погубила и советы рабочих депутатов. Польша пошла не по революционному, подлинно демократическому пути, а по реакционному, буржуазно-помещичьему, который привёл её к новому падению в 1939 году.

Выше мы отметили, что коммунистическая партия также была повинна в слабости польских советов. Образование коммунистической партии произошло на старой идейной основе — люксембургинской. Старая теория и обусловила чрезвычайно серьёзные ошибки польской компартии. Это прежде всего ошибки по национальному вопросу. Для польских коммунистов, отрицавших возможность образования новых государств в условиях империализма, отвергавших ленинский лозунг права наций на самоопределение, образование нового польского государства было неожиданностью, противоречившей всей их теории и тактике. В первое время польские коммунисты не могли выставить никакого нового лозунга по национальному вопросу. Лозунг объединения Польши с пролетарской республикой России, который они выдвигали после Октябрьской революции, был ошибочным, ибо он не учитывал настроений громадного большинства польского населения. Лозунг власти советов выдвигался коммунистами вне связи с вопросом об образовании национальной Польской республики советов. Только в феврале 1919 г. в одном партийном документе появился лозунг Польской республики советов, именно в «Проекте политической платформы партии в Советах рабочих депутатов», который должна была зачитать коммунистическая фракция на съезде советов; однако этот проект не имел обязательного значения для партийных организаций, и только в следующем году партия официально выдвинула лозунг Польской республики советов. Таким образом, по основному вопросу политики — образования нового польского государства — польские коммунисты не имели ясного лозунга. Отсутствие же такого лозунга означало политическую безоружность партии, что сумели прекрасно использовать буржуазия и соглашатели. На первом съезде партии была принята резолюция, в которой говорилось: «В период международной социальной революции, уничтожающей

⁴⁶ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 138—139.

основы капитализма, польский пролетариат отбрасывает всякие политические лозунги, как автономия, независимость, самоопределение, основанные на развитии политических форм периода капитализма. Стремясь к диктатуре, к противопоставлению всем своим врагам своей собственной революционной вооружённой силы, пролетариат будет бороться против всяких попыток создания буржуазной контрреволюционной польской армии, против всяких войн за национальные границы; для международного лагеря социальной революции нет вопроса о границах; он опирается на общность интересов международного рабочего класса, исключаящую всякий национальный гнёт и устраняющую почву из-под всяких конфликтов на основе национальной и языковой»⁴⁷. Как видим, это старый, люксембургский нигилизм в национальном вопросе, который в высшей степени затруднял польским коммунистам завоевание на свою сторону большинства польского рабочего класса.

Другой крупнейшей ошибкой был нигилизм в крестьянском вопросе. Польские коммунисты попрежнему игнорировали крестьянство как союзника пролетариата и почти не вели никакой работы среди крестьян. Партия даже не выдвигала лозунга крестьянских советов. Её официальным лозунгом были советы рабочих депутатов города и деревни, следовательно, крестьяне оставались за бортом революции. Крестьяне деликом отдавались влиянию людовцев, которые всеми силами старались удержать крестьян от революционной борьбы, толкая их на путь соглашения с помещиками; людовцы наравне с ППС несут главную ответственность за неудачу революционного движения в Польше в 1918—1919 годах. Земельный вопрос польские коммунисты решали не с точки зрения мобилизации широчайших трудящихся масс для революции. Ноябрьская краевая конференция Социал-Демократии приняла резолюцию по земельному вопросу, в которой говорилось: «Главным принципом нашей партии при организации земельных отношений после победы революции должно быть создание самых выгодных условий для развития производительных сил. С этой точки зрения нашей целью должно быть введение в сельском хозяйстве крупного и централизованного коммунистического производства... С момента прихода пролетариата к диктатуре будет издан декрет об уничтожении права частной земельной собственности... Мелкие сельские хозяйства, не прибегающие к найму рабочих, могут быть оставлены прежним хозяевам с ограничениями, вытекающими из необходимости приспособления мелкого сельского хозяйства к потребностям общего хозяйства страны... Более крупные хозяйства и имения (фольварки) будут присоединены к общественным землям, на которых будет введено коммунистическое хозяйство согласно новейшим принципам науки и техники. Вся торговля продуктами, произведёнными как в индивидуальных хозяйствах, так и в общественных, будет монополизирована социалистическим обществом»⁴⁸. Такова была политика польских коммунистов по крестьянскому вопросу.

Как видим, польские коммунисты полностью игнорировали важнейшие лозунги переходного характера и рассчитывали прямо вступить в социализм.

Наконец, польские коммунисты продолжали сохранять ложное представление и о самом процессе революции. Продолжала довлеть старая схема — автоматического краха капитализма и стихийного возникновения и развития социалистической революции. Лозунги революции, как диктатура пролетариата, советы рабочих депутатов, звучали отвлечённо. Нигде не говорилось о том, как нужно бороться за революцию. Пред-

⁴⁷ «W sprawach partyjnych». Warszawa. 1920—1921.

⁴⁸ «Socjaldemokracja», стр. 325—326. (Разрядка наша. — М. М.).

ставлялось, что всё пойдёт само собой. В упомянутом уже проекте политической платформы говорилось: «Революция и социальное переустройство не могут быть делом ни партии, ни заговора отдельных лиц... Революция должна быть начата в упорной и стойкой борьбе, в ходе которой трудящиеся массы освобождаются от иллюзий, учатся управлять самими собой, всё больше сознают свои очередные задачи...»⁴⁹. Соответственно этому партия рассматривала советы не как органы борьбы за власть, а как органы законодательные, нечто вроде парламентов. Партия не вела надлежащей борьбы за влияние в массах, не разоблачала соглашателей вне советов, как того требовали интересы революции. Соответственно этому партия не могла надлежащим образом оценить и вопрос о вооружении пролетариата. Нигде, кроме Домбровского бассейна, не был поставлен этот вопрос. В то время как пилсудчики ещё в подполье сколачивали свои военные кадры, коммунисты никогда этим делом не занимались. Добавим ко всему этому, что среди польских коммунистов было весьма распространено мнение о революции в Польше как результате революции в Европе. В приветствии, которое ноябрьская краевая конференция послала РСФСР и рабочим других стран, говорилось: «Социалистическая республика России, а за ней социалистическая республика Германии освободят не только пролетариат, но и Польшу и всё человечество»⁵⁰. В главной газете ППС — Левицы, «Глос роботничы», писалось в связи с образованием Варшавского совета: «Трудно определить время, когда совет возьмёт власть в свои руки и образует рабочее правительство. Это будет зависеть в большей мере от развития революционных событий во всём мире — от поведения немецких рабочих, от быстрого отрезвления рабочих союзных стран»⁵¹. Такое представление порождало выжидательное настроение и направляло всё внимание партии к агитации и пропаганде революции, отвлекая его от организации революции.

Таковы важнейшие ошибки польской компартии, которые сыграли серьёзную роль в деле торможения развития революции в Польше. Ясно, просто и убедительно выразил это Феликс Дзержинский в своём письме польским рабочим гор. Долбыша в 1926 г.: «Для Польши, для её судеб вопрос союза рабочего класса и крестьянства под руководством коммунистической партии является решающим. Если бы во время империалистической войны мы понимали это ленинское учение, быть может, судьбы Польши были бы иные и мы имели бы советскую Польшу — свободную и независимую от капиталистических держав, сильную союзом с Советским Союзом. Об этом нам следует помнить. И другой вопрос является не менее важным. Вопрос национальный... Нашей (бывшей СДЦПил) ошибкой было отрицание независимости Польши, за что всегда нас упрекал Ленин. Мы думали, что между капитализмом и социализмом не будет переходного периода и что, следовательно, не нужны независимые государства, так как при социализме вообще не будет государства. Мы не понимали, что между капитализмом и социализмом будет довольно долгий переходный период, в течение которого при диктатуре пролетариата будут, однако, ещё классы, и рабочее государство будет существовать на основе союза с крестьянством. Отрицая вообще независимость, мы этого не понимали и проиграли в борьбе за независимую советскую Польшу. Только уразумение и исправление этой ошибки, применение учения Ленина ведёт к победе»⁵².

⁴⁹ Rady, стр. 325. (Разрядка наша. — М. М.).

⁵⁰ «Socjaldemokracja», стр. 322.

⁵¹ Rady, стр. 312.

⁵² «Nowy Przegląd» № 3(17). 1926.